

АЛЕКСАНДР МАЛИКОВ

Родился в 1959 году на ст. Арга Амурской области. Окончил БГПИ — альма-матер большинства амурских литераторов. Трудился учителем в школе, рабочим на стройках и артелях старателей, корреспондентом областных газет. С начала 1990-х гг. публикуется в литературных сборниках и периодической печати Приамурья. Автор двух книг. Лауреат премий им. Г.А. Федосеева (1994), журнала «Дальний Восток» (2006), губернатора Амурской области (2014), дипломант литературного конкурса Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор» (2015).

КРАСНЫЙ ОСТРОВ

(Главы из романа)

Дерби

— «Пять утра, — тебя нет дома... — забросив нога на ногу и подперев голову кулаком, в задумчивости вещает Ольга. Вступаю в забаву ерничая — Я тебе заранее говорил: с кем и где буду. Сидел, ждал в «Азии» дружбана, Серегу Фаскудинова, кое-какие корки перетереть. Серега не пришел, а тут эти... профурсетки мать иху! Ну и закрутилось...

— Молчи, Лариоша, иначе я тя прибью! И так не могу сосредоточиться. Щас с листа буду читать, — сердится дикламантка и уже потянулась за исписанными ею листками.

— Опять же, Ольча, ведь тыщу раз просил: на «Лариошу» исключительные авторские права у Фаскудинова и Сеаты — одновременно. Третье имя в авторское свидетельство категорически вписано не может быть.

— Ну все, щас достану бумажки и весь каторжный труд, почитай вся вторая половина ночи на дежурстве в онкологии коту под хвост. А так хотелось блеснуть... Да, на чем это я? Вспомнила! «Пять утра, — тебя нет дома. Я не могу не думать, что это странно. Дорогой, я просто хочу, чтоб ты знал: я не собираюсь проходить через это снова. Да, милый, над нами сгущаются тучи. Я не приму это как часть своей жизни. Не буду жить в страхе перед тем что может произойти. Я усвоила свои горькие уроки. И лучше буду одна, чем позволю тебе вить из меня веревки...» М-м-м, веревки... Веревки... — темненькая головка Ольги склонилась, дикламантша все же украдкой подглядывает в текст.

— Ага-а-а, Яковлева, выходит, без бумажки ты — обмарашка!..

— Я вот такусенькую чуточку! — отмеряет на кончике мизинца Ольга — сколь мала «чуточка». «...Ларионов, ты во всем видишь угрозу. Но разве ты не получаешь от меня сколько хочешь? Ты терпеть не можешь незнакомцев рядом со мной. Послушай, но ведь однажды и мы были ими друг для друга. Но ты во всем видишь опасность. Наверное, именно так одержимые, голодные, ищущие ничего за собой не замечают. И однажды, совсем скоро ты навлечешь беду на мой дом... Шесть утра. Тебя все еще нет дома. Не могу не думать, что это странно. Сегодня, кажется, все идут на риск — такое уж время. О, да, мы стоим у черты. И я ни за что не приму это, как часть моей жизни...»

— Да уж, — мурлычу я, как кот объевшийся сметаны, — гордее... горже... лучших представителей коренных малочисленных народов севера не найти...

— Уймись, же, наконец, не фонтанируй, искрометный ты наш!..

— А я вот, голуба, никогда не читаю по бумажке, хоть и ни чья ни гордость.

— Вот... сбил, Банзайкин папа. Ну, сбил и все. Латна-а-а, Оля... — Ольга заставляет себя сосредоточиться. Прячет листки внизу меж колен. «... Я не приму это, как часть моей жизни, не буду жить в страхе перед тем, что может произойти. Я усвоила уроки: и лучше останусь одна, — вновь взметнулись вверх листки, зажатые в руке — ...чем позволю тебе вить из меня веревки. Как ты можешь говорить о любви, греховодный Ларионов, если продолжаешь играть моей жизнью?! Ты просишь дать тебе еще сколько-то времени и клянешься все исправить. Если я дам тебе

его, ты вновь ввергнешь меня в отчаянье. А я не хочу туда возвращаться». Вот! — Ольга победно размахивает вверху руками с зажатými в них листками, крупно исписанными черными чернилами.

— Джоджик... дырявенький?

— Аха, Джоджик... голубенький... — счастье на лице эвенкийки будто нарисовали акварелью, такой, знаете ли, яркий из желтого с красным плывущий по наклоненной бумаге потек... «Ну, обаяга. Хоть аборигенную икону с этой умняги пиши!»

Мы сидим с Ольгой Яковлевой-Ларионовой в VIP-ложе, построенного Саней Плетневым (Гэри Кук, Глыба и так дальше — все в превосходных степенях) неподалеку от центра города уютенького стадиончика на пять тысяч зрителей. Трибуны нависают над синтетическим ковром изумрудного цвета с белой-белой-белой разметкой. Народ подваливает и подваливает и трибуны за полчаса до свистка судьи к началу игры уже заполнены на три четверти. Эта разноцветная масса бурлит, почти никто не сидит, болелы обсуждают любимые темы друг с дружкой, перекрикиваются, они счастливы — начало сезона, самый первый матч на кубок Гэри Кука, так пожелал назвать металлический под золото трофей его учредитель — Александр Плетнев, человек и пароход, капиталист и меценат. Отец-благодетель, словом. Бесноватые фаны Плетневской «Юности», номинальной и фактической команды-хозяйки взрывают речёвками с откровенным матерком в адрес моей команды «Спартак». «Мясо», «Свиньи», «Помощники», «Жиртрест», «Просроченная колбаса» — эти еще из относительно безобидных. Сашкины менеджеры хорошо постарались: текст речёвок и лозунгов выверен, говорят, будто тексты за хорошее вознаграждение правит трижды лауреат премии губернатора в области искусства Эльвальд Рукосуев.

Кстати VIP-ложа так себе. Глыба отвалил подрядчику на строительство стадиона с запасом с изрядным лихом, затем пришлось удвоить расходы по смете и еще сверху накинуть. Так коварно разворовали скифы чертовы. Словом, на дорогую внутреннюю отделку, на эксклюзивную мебель, на утварь и хрусталь-посуду, то бишь на VIP-понты уже и не хватило. Все видя, понимая, Плетнев психанул

и потом отказал даже главному попу в пожертвовании на храм в пригороде: все равно де, разворуете, суки, ничего в вас не осталось святого...

Сидя в первом ряду, положив локти на привинченный к стене столик шириной с добрую доску, на своих обычных местах, ерзаем на стульях; мы с Ольгой внимательно наблюдаем как фаны «Юности» направили на нас свои орала из тонкой медной жести до отчаянья надраенные пастой ГОИ. «Огребет сегодня чок в раз, уэй я охаха, полетели шницеля — в унитаза!» Как следует размявшись, шальные горлопаны по новой набрали воздуха в дурные легкие и шарахнули центральную: «Лариошин суп-харчо не годится ни на чо!» Организаторы предматчевого шабаша украдкой поглядывают в сторону административного здания из которого ожидают появления вип-ов: «Услышал ли благодетель, приметил, заценил ли, как старались?» «Сколько он платит этим горлопанам интересно бы узнать, сегодня спрошу». В горлопанов из сектора спартаковских болельщиков полетели пластиковые бутылки с беснующимися в прозрачных стенках недопитым напитком. Крикуны с незлобными угрозами с силой возвращают баллоны мечунам на трибуны. Абсолютные приметы эйфории болел и с той, и с другой стороны. Праздник!

От административного здания, выполненного лучшими китайскими строителями из дорогого желтого кирпича, что напротив и чуть наискосок в углу стадиона, появился Плетнев, за ним свита во главе с губатым фактурным негром, коему доведись пересечься в городе, сублильные тщедушные курсантики военного училища из стран Африки тотчас отдают честь и забавно ударяют каблуками: «Эсселенс!» «Ну, Плетнев: никуда без черномазого пиндоса. Во бля, понты корявые. Ведет себя так, будто не умный. Хотя что такое футбол? Мужская забава, легко делающая взрослого мальчишкой...» В хвосте этой камарильи понуро, или даже настороженно, бредет Сеата. Взгляд ее рассеян. Она истая болельщица, но сегодня поэтессе, похоже, не до футбола, возможно, новый приступ.

Толпа фанов расступилась перед бомондом и зазвучали здравицы в адрес господина и благодетеля. Плетнев едва заметно раскланивается и поднимает руки как патриций при обращении к свободным горожанам.

Следом на короткую предматчевую разминку вывалили из подтрибунного помещения пятнадцатилетние игроки «Юности». Сегодня они прикинуты в основные цвета команды — желтый верх, красный низ, желтые гетры. Кое на ком бутсы малиновые, гетры приспущены и видны щитки. Ребята только что вернулись с предсезонного сбора в Шанхае, где произвели фурор, выиграв у ровесников из Поднебесной, включая и сборную Юга, шесть товарищеских матчей к ряду. Бают, «Жеминь Жибао» в высоких восторженных тонах описала их подвиги. Не читал, не знаю.

Ага, вот и гвоздь дня! У фаворита сегодняшнего товарищеского матча пополнение. Выкатились на поле два цыпленочка росточком эдак под метр девяносто: мальчишки из Суринами или Кот-д'Ивуара, Бог их знает — о коих в последнее время много галдели в местной прессе. Глыба демонстративно подзывает ближнего к нему темнокожего атлета, ловит его за трусы что-то наставительно говорит на ухо, наклонившемуся к нему африканцу, в итоге шлепнув поджарого длинноногого молодца ниже спины, отправляет на разминку. Тот и счастлив: как же самолично босс изволил рукоприложиться. Да уж, что способен человек к учению, то способен! К его безукоризненному английскому добавился французский. «Вона бишь для чего мы язык ОБальзака столь усердно зухали, даже, гляди, длинноногую под мальчишку остриженную носительницу языка с исторической родины выписали и на телевидении демонстрировали». Ольга, завидев Сеату, засуетилась. Вижу это. И она видит, что вижу. Пятнадцать лет живем с Сеатой порознь, а с Ольгой вместе, и уж пацан вырос вон какой, а все неловко, вишь, звезде таежного Куликана: «Увела». Зря, дуреха, зря.

Меня черная гвардия мало волнует. В основе выйдут, законные лидеры «Юности»: верткий, нестандартно мыслящий на поле центрфорвард Артем Коржунов, прекрасно видящий поле габаритный распасовщик Пашка Соловьянов, стремительный на краю вингер Виталья Ян, да левый крайний быстроногий Славка Ваякин. И другие не слабже. Всех этих пацанов я прекрасно знаю с шестилетнего возраста, когда они пришли вместе с моим Степаном в спортивную школу в группу к Виктору Степановичу, чем-то определенно и остро напоминающему мне того Степаныча, который преподнес мне первые уроки жизни

в спортшколе единоборств в группе бокса. Та же плешина и огромная головень размера шестьдесят второго. Такой же широкоплечий увалень, которого за глаза зову «Степаныч сколь в ширину, столь и в вышину». Безапелляционен и маловнушаем. Степаныч взял с места в карьер, форсировал подготовку группы избранных, загонял пацанов так, что сил на уроки в школе им уже не оставалось, родители роптали, но терпели, поскольку тренер обеспечил результат: поездки на турниры в другие города, а со временем и за российские рубежи — в Китай, Корею, Японию и даже Голландию с Бельгией. Будто пацаны осьмидесяти лет законченные профессионалы на миллионных контрактах, и школьные знания теперь им вроде не нать вообще. И призы, кубки, медали, медали, медали, так что даже некоторые из родителей зазвездили и даже принялись прикидывать будущий барыш, на что сумасшедшие деньги потратят в начале, и на что потом. Самого Степаныча, слава зримо прельщала, и он набавлял. На фоне тренерской эйфории стал детишек по-взрослому нагружать, поругивать и даже поколачивать, что практиковалось лишь в иных командах мастеров. У самих бессменных чемпионов так же появились признаки звездной болезни, а следом и признаки заболеваний костей опорно-двигательного аппарата. Обозначились и признаки расстройств психического свойства. Родственники переполошились: панически стали своих чад от греха забирать — один, два... пять... восемь. Глядь, а уже и некомплект, команду на игру не выставить.

Я держался до последнего, хотя не в шутку запаниковала Ольга, в те поры заканчивавшая учебу в медицинском институте по сокращенному курсу, поскольку она по первому диплому фельдшер. Получила диплом, образовалось больше времени, и молодая мамаша спохватилась. «Ларионов, хорош экзистировать со здоровьем единственного ребенка. Я отшучивался: кто знает, мамочка, может и ни единственного, ведь чем больше смотрю на моих спартачей, тем чаще думаю: как много среди них похожих на меня. Вот и собери их в команду и отдай шальному Степанычу. А моего Степушку-сынулечку не дам!» — вот так в полусерьезе переругивались дома на кухне. Словом, группу у Степаныча педсовет спортивной школы отнял и передал Алексею Барчевскому — «Палычу». Которого я знаю еще со студенческой

поры: в межсезонье он, семнадцатилетний правый крайний команды мастеров, приходил на педвузовскую хоккейную коробку на задах общаги на Трудовой восемь поиграть в дыр-дыр на пиво. Верткий малый был, быстрый. Тогда Команда была чрезвычайно сильна, нравы внутри коллектива узурплячьи и Леша, смазливый юноша, городской, воспитанный в хорошей семье мальчишка, постепенно сошел с дистанции. В той команде надо было рвать гужи. А за двести рублей не каждый еще и станет, когда на карманные расходы украдкой друг от друга каждый из родителей пятерку сует ежедневно. Звезды отошли Палычу, нелишне заметить, остро любящему и понимающему детей, прекрасному специалисту — практику, а в воспитании детей скорее строгому либералу, чем узурпатору.

А я все же настоял, чтобы Степка остался в группе Степаныча, поскольку тот пообещал мне умерить прыть. Как-то было неудобно неловко, что ли, будто все мы разом родительским комитетом сдали того Степаныча, того самого, подарившего нам яркие победы в турнирах, много моментов радости и даже, пожалуй, мгновений счастья.

У меня образовались кое-какие деньги, и я стал спонсировать команду, взявшую народное имя «Спартак», тем временем «Юность» со звездами вдруг откуда ни возьмись, подхватив, стал спонсировать Плетнев. А у него уже тогда были нешуточные возможности, коли его сватали в титульные спонсоры команды мастеров. Но прагматичный и правильный Глыба вежливо отказавшись, взялся вести к мастерству пацанов: «Зачем кормить варягов-перестарков с Кавказа, когда есть своя молодежь?» — изобразив недоумение, пожимал он плечами. Хотел было выманить и моего Степана, тем паче тот рвался воссоединиться с друзьями в «Юности»: «Лариоша, отдай... ну или продай за не козью цену, скажем, за лимонард бачков, твоего самурая, ведь душой он там — с Артемом, Пашкой, Виталиком, Славкой и другими пацанами, с кем начинал. У меня аккурат был растущий полный рисков бизнес, и я, понимал, что Сане, другу детства и всей нашей где сознательной, а где и не совсем сознательной жизни, элементарно хотелось мне помочь, да только я у друзей в долг не беру. К тому же Банзай не продается. Он... вишь ли, друг Плетя, мой собственный Банзай. Сам мой Самурай (за белую налобную повязку и аборигенскую масть — производное от Самурай

(три слога) — «Банзай» (два слога; на поле, где надо принимать реактивные, быстрые решения, больше годится) сколько-то попереживал, но притерпелся: в «Спартаке» он стал полноформатной звездой и законно избранным (общим и тайным голосованием) капитаном команды, а в «Юности», как ни крути, ему светило оставаться за спинами великолепной четверки...

...Следом за вип-ами и игроками «Юности» на поле выбежали ребята из моего «Спартака». Жадно всматриваюсь — как там наш с Ольгой Банзай. Хо-рро-ош! Вон как уверенно жонглирует мячишкой, прямо Федор Черенков... никакой скованности или зажатости перед принципиальным матчем. Сам капитан расставил товарищей, поделили простые упражнения, поводили мяч между фишками, поиграли накоротке на открывание под передачу. На все про все десять минут. Глядя на сына, Ольга разволновалась. Или это реакция на то, как приближаясь, медленно поднимаются по ступенькам, ведущим в ложу, Плетнев и Сеата — рука об руку.

— Привет, Оля, Гена, — тянет руку Глыба, настроение у него на подъеме. — Слышали, как мои оттянулись в Шанхае? Давайте вашего Степашку ко мне: скоро на финал России. А нам левый вингер позарез нужен. На Суринам не надеюсь, медлительные они, а наш Степаша — истинно ракета и думает быстро, и передачи в штрафную — будто на гарантии в Сбербанке, а?

— Привет, Саня, Сеата. Банзай — наше всё, не желаем прозябать, оставшись без всего. Ставлю доллар на два гола Самурая. По голу в каждом тайме...

— Ставлю своего серебряного «зеленого» на два гола Коржунова еще в первом тайме. Уж больно в хорошей форме находится сейчас Артем. По рукам?! — и Плетнев проходит к своему креслу в центре небольшого зала, где разместиться возможно не больше полутора десяткам зрителей и то в тесноте.

Сеата остановилась позади Ольги положила той руку на плечо и странно проговорила:

— Оль, как же вырос ваш, Степан, как вырос. А я ведь помню его еще вот таким, — Сеата отмерила себе ниже пояса. А как он читал «Чиполлино», помните? «...барон Апельсин пожирал яйца кур, сви-

ней, коз... хлеб, сухари, пироги... Двое слуг запихивали ему в рот все что привозилось. Когда они уставали, их сменяли двое других...» Заимка. Зима. Окна заиндевели-закуржавели. Раскрытая книга лежит на раздвинутом диване в холле, Степашка склонился над ней и увлеченно читает аж слюна нетерпения потянулась с губы вниз, читает вслух громко, так чтобы всем гостям в самых дальних уголках жилухи было слышно... а те вовлечены и так же счастливы и соучаствуют. И крутится, крутится забавный мальчишка на том диване вокруг раскрытой книги — пять кругов на коленях в круг, пока главу прочитает. А самому говорю от плиты: Степашка, иди я тебе приготовила глазунью из трех яиц, да картошечку-толкуньку! Из трех не буду, будто отмахивается, из трех в третьем классе через год, приготовь, Сеата, из двух мне да поменьше выбери... — Спohватившись, Сеата убрала руку с плеча Ольги, словно то плечо враз набрало температуру под сотню, и прошла дальше, присев через два кресла от Плетнева. Ближние к Глыбе кресла для губернатора и мэра. Если соизволят. Даже если и не соизволят, Сеата не придвинется к хозяину праздника ближе. Не сегодня ею самой установлена дистанция. Ей так комфортнее.

Ольга проводила Мухину-Бастанскую взглядом, чуточку остерегаясь, что, внезапно обернувшись, та перехватит робкий взгляд; от накатившего волнения Ольга зарделась.

— Ольча, а как насчет моего алаверды? — беру руку жены, желая отвлечь от минутных переживаний в связи с Сеатой. Слушай и угадывай: «Всем известно, что твоя дверь всегда открыта. И каждый может войти. Поэтому мой спальный мешок свернут и спрятан у тебя за диваном. Всем известно, что я не связан забытыми словами и узами. И следы страданий, немного подсохших от любви, той, что не пускает тебя на берега реки моих воспоминаний... Однако я по-прежнему думаю о тебе с нежностью. И хватаюсь за воспоминания, как тот плющ, что я вместе с тобой однажды посадил, цепляется за скалу. Я ловлю каждое, сказанное кем либо, слово о тебе. Ведь все считают, что мы хорошая пара. Известно, что мир не проклянет меня и не простит, когда я пойду вдоль железнодорожного полотна и пойму, что ты бродишь по пустынным берегам реки моих воспоминаний. И часами я думаю о тебе с нежностью...»

— Кто это? Может снова Джоджик, Джордж Майкл? — встрепенулась Ольга, и с видимыми борениями, с трудом ей удается чуть отвлечься.

— Ты повторяешься, Лариоша! Рановато. Со мной, помнится, начал повторяться лишь на двадцать первом годе, — будто строгая мама, или даже строгая завуч по воспитательной, внезапно обернувшись на нас, заговорила Сеата. Мимо Плетнева, мимо пары-тройки других постояльцев VIP-ложи, оказавшихся в пространстве между нами с Ольгой и поэтессой. — Это Элвис, деточка. Король Элвис. — Ольга вжалась в кресло и сгорбилась. Повисла пауза. Плетнев принялся нервно скрести пятипальной по бритому черепу. Спас судья. Он подал сигнал к началу игры, на поле тотчас взвихрились страсти, пошло рубилово и это действие не сразу, но захватило нас.

Соловьянов в первую же минуту после розыгрыша мяча в центре поля по-взрослому — плассером — бросил в прорыв Коржунова. Артем болтанул двоих наших перед штрафной, ему ничего с того не отломилось, и форвард сделал скидку на Яна. Виталька, не раздумывая метров с тридцати зарядил по раме. Мяч шел в девятую, но мой кипер потащил, переведя сферу на угловой. Ничего себе начало! Стало очевидно, что соперник готов настолько, что здесь и сейчас порвет любого. Я принялся нервно растирать голень на местах илизаровских выходов железа на поверхность. Никакого железа давно и в помине нет, но осталась тактильная память. И в минуты нервного перевозбуждения боль дает о себе знать.

Подали угловой не очень. Защита вынесла пятнистого почти до середины поля, мяч подхватил Степан и повел его вдоль левой бровки. Наши трибуны воспряли: «Банзаюшка, давай!» Степа с дриблингом и обводкой продвинулся почти до угла штрафной, удачно вырезал левой к одиннадцатиметровой, однако форварды были не готовы принять роскошный подарок. Артемчик точно успел бы. И замкнул бы передачу, носком бутсы направив круглого мимо вратаря на противоходе, ровно как он это уверенно делает девять из десяти. Но Артем играет против нас.

Мяч в руках у кипера. Тот недолго думая с руки зарядил в сторону Яна, Виталя не оплошал, продрался мимо жестко встретившей защиты

к штрафной, резким движением стопы двинул круглого между моими стопперами вперед на свободное место, там, выскочив будто чертенок из темного подвала, открылся Артем, ну и Коржик не подкачал: так же, как Виталья, резким движением стопы развел в разные стороны кипера и мяч. Гол. Твою мать, уже на шестой минуте!

— Сыночек, давай, забей желтеньким махонький голик! — возопила рядом Ольга. Плетнев многозначительно и протяжно поглядел в мою сторону. Я ответил, выставив в его сторону руку с открытой ладонью: Мол, еще не вечер, барин, авось доберемся до поместья живыми, и дай бог чтобы за это время оно не сгорело. Глыба хмыкнул и через секунду он вновь весь на поле.

Завязалась позиционная борьба между штрафными. Спартачи бьются отчаянно, но явно не успевают за плетневскими. Те готовы как боги. Между тем вот уже и полтайма позади, и тридцать минут и тридцать пять. Я стал успокаиваться, и зуд в коленке унялся: «Авось какого-нить дурака и Плетневу закатим в такой вот позиционке». Смотрю, и Коржунов прижух, поскольку мяч его никак не находит. Степаныч с начала тайма не присел, но сумел-таки успокоить команду. И лишь слышно его побрякивание от бровки: «Контроль! Контроль мяча, дети солнца... хреновы». Последнее на полтона ниже, однако и слышно. Всё успокоилось, мои помалу придвинули игру к штрафной соперника, но без опасных моментов. Но тут... следует ошибка полузащитника перед штрафной «Юности», потеря. И вот уже летит «горбушка» в сторону Коржунова, на него пошли защитники, тот нахально длинно переводит мяч вдоль всей штрафной на крайнего форварда Ваякина, Славка хитро отыгрался с Соловьяновым, оставив не у дел двух защитников и вернул Коржунову на угол вратарской. Форвард одним касанием шведой, издевательски отправил мяч мимо распластавшегося кипера. Тот ничего сделать не мог. Не виноват. Защита прощелкала. Не разобралась. Разберись тут, когда на подступах к штрафной плетневские летают будто ракеты, а думают быстрее ЭВМ. Плетнев, не поленившись, поднялся, пройдя меж креслами гостей, придвинулся ко мне вплотную и участливо похлопал по плечу.

— М-м, да, Лариоша, в космический футбол играет нынешняя «Юность». В межгалактический. А твои, вишь, забыли скафандры.

Степаныч постепенно звереет. Толстые складки кожи под его массивной головой побагровели — знать предел терпения. Тут обычно Макаренко с Ушинским у моего тренера заканчиваются. И пошел «мать-перемать от гостренера», так обычно в ироническом ключе оцениваю наступившее его валидольное состояние. Ребята стараются, играют как могут, насколько готовы. «Эх, им бы в предсезонке сбор где-нибудь в Корее или на японских островах да спарринги с тамошними ровесниками. Но Ольга в декабре, когда планировали на весну, встретила идею в штыки: «Другие, кто на медаль не идет, пусть едут на сбор хоть в Арктику, а Степаша наш...» Обошлись двухнедельным сбором в городском манеже, с проживанием на базе при стадионе имени Плетнева, с усиленным питанием, восстановительными процедурами. Рано вышли на мерзлый еще газон. Пошли травмы. С такого сбора плетневская «африка» подорвала бы, бросив вещи, и бежала бы, бежала без оглядки до Берега слоновой кости... Кстати, вон и мальчишки из Суринама принялись разминаться, выполняя обычные упражнения вдоль бровки. Публика загудела: «Плетнев, выпускай Максимку (темнокожего, то есть)!»

...Разыграли с центра. Фаны «Спартака» погнажи команду вперед. Наши кое-как, выдирая мяч в сумасшедших подкатах, с кровью, дотасили круглого до подступов к штрафной соперника. Защита свалила владеющего мячом. Штрафной. В наших секторах на трибунах оживление: «Бан-зай! Бан-зай! Бан-зай!» К мячу подошли трое. Я загадал: если бить возьмется не Степка, а Павлов, будет голешник «в раздевалку». И тогда во втором тайме еще можно будет зацепиться за игру. У мяча остались двое, посоветались, и вроде бить должен Павлуха. Тот разбежался, собираясь закрутить мимо стенки в левый от вратаря угол и кипер пошел туда, сделав шаг. Павлов хитро катнул подошвой круглого Степке и Банзай не подкачал: запущенный внутренней стороной стопы левой ноги мяч по чудовищной дуге, едва поцеловав гриву на голове выпрыгнувшего крайнего в стенке, влетел в правый от вратаря угол. «Чистая девятка!». От неожиданно свалившегося на него счастья, воротчик припал на одно колено и в растерянности качает головой. Пацаны успокаивают его: «Ничо не поделаешь, несчастный случай. Банзай, называется».

Разыграли с центра и почти сразу судила дал сигнал на перерыв. «Неплохо».

— Ах, как Банзаюшка испо-олнил, а? — встав и блаженно потянувшись, Плетнев развел руки в стороны, затем забарабанил ими в воздухе и теперь счастливый качает головой. — Чем ты его сделал такого моторного и умного пацана, а, Лариоша? — Тем временем Сеата, нешумно встав, мелкими приставными шажками пробираясь перед сидящими, будто боясь потерять равновесие на ступеньках, направилась к выходу. — Слышь, Гена, пошли пос...м, у меня просьбочка к тебе имеется, — позвал Плетнев.

...Дали сигнал к началу второго тайма. Мои спартачи, то ли окрыленные нечаянным успехом, то ли после накачки Степаныча в раздевалке, очертя голову понеслись вперед. И нас быстро наказали. В подкате на полном шпагате, Соловьянов выбил мяч у соперника, Ваякин подхватил его, кинул горбушку на Коржа, Артем умным пасом отрезал защитников, и выскочивший на рандеву с кипером Виталя Ян выполнил свою работу мастерски. 3:1.

Начали с центра. «Юность навалилась на наши ворота и делает что хочет. Пока мажут. В отчаяньи, перехватив мяч на подступах к своей штрафной, вернувшийся помочь своим в обороне, Степан потащил мяч к противоположным воротам. Очевидно, настрой Банзайкин таков: Степа скорее умрет на пластиковом ковре, чем отдаст мяч сопернику, доведет его до штрафной, влезет в нее и пусть тогда роняют, продерется и раскрутится на пенальти, даже если ему оторвут по пути ногу. «Банзай, давай!» — несется с трибун. Наши явно воспряли, и болелы гонят Степу вперед. «Якут, гоу-гоу!» Но вдруг, уткнувшись в габаритного африканца, Степа как подкошенный рухнул на ковер. И — ни движения. Ольга ойкнула и в тревожной немоте глядит на меня: «Гена, сделай что-нибудь». А что Гена? Доктор хлопочет, Степаныч уже на поле, ребята из обеих команд сгрудились вокруг недвижно лежащего, одни пьют воду, доставленную в пластиковых баллонах от бровки, другие без эмоций на лицах переговариваются. Маленький отдых. И вправду с начала второго тайма пацаны рубятся, не жалея друг-друга, обеспечив тем самым тысячам болел живое зрелище.

— Эх, надо было стелить настоящую траву. Так эти полоротые, слышь, Гена, причитают: живой газон долго готовить, западных спецов

надо держать, наши де не способны, то да се, — похоже, искренне сожалея о случившемся на поле пяток минут назад, подал голос Плетнев.

— Ты где такого судилу взял?! — вскипаю я, — он будто руку в одну сторону привязал. «Юности», твою мать, на поле все преференции, хоть отымей моих!

— Играть надо уметь, и судила тут не при чем, — обороняется Глыба.

— Ты их что ли растил, гений менеджмента и эпатажа, блин! — ору я, не сдерживая себя ничуть.

— Мои пацаны. Мои. Ты вон спроси Барчевского — чьи они. Хоть мир со мной посмотрели. И в премьерe не меньше как четверо будут играть. Зуб даю! Куплю им премьеру ту. Хоть на лавке, а сидят, да будет в старости чего вспомнить. А с тобой они так по дворам и ошивались бы.

Я набросился на Плетнева с кулаками, полетели на пол стулья, взвизгнула палуба под тяжелыми креслами ВИПов. Между нами встал губатый пиндос. Точно из голливудских боевиков, отвратного виду тип, истинно гангстер. Я шурую руками, проверил его правой по корпусу — что по корпусу подлодки голой рукой. Из гранита он что ли? На моей руке повисла Ольга. У негра на лице ни эмоции. Точно из гранита. Но мне стало очевидно, что установка насчет меня дана определенная: «Слышь, мол, истукан каменный, вон того хрена слева рядом с симпатичной мулаткой ни-ни, ни при каких обстоятельствах». А так гангстер с веселой легкостью метнул бы меня сквозь витрину из пуленепробиваемого толстого стекла прямо к середине поля. И тут меня будто подкинуло: Степка лежит там, и не встает. Вот уже и носилки, и ребята провожают толпой те носилки в подтрибунное помещение. Между тем темнокожий мальчишка виновато стоит, приобняв стойку ворот: на поле от стыда спрятаться больше негде. Что и говорить: вставил, так вставил. Но в чем дело, ведь большой босс перед игрой на этого парня, которого унесли, недвусмысленную установку сделал: «Чиканоса фак!». Что и говорить, вставил мексиканцу по-крупному, аж вон унесли с поля. И горчичник получил уже на третьей минуте после выхода на замену. Ну и дела у них тут, а дубарина-а-а брррр!..

Демократ

Тревожно мне, не находит себе места и Ольга. Сидим в приемном покое третьей городской. Увезли Степку коридорами вдоль окрашенных в грязно-бежевый стен в недра больницы. Никто не идет рассказать нам, встревоженным родителям, что да как. Пока рентген, пока профессора призовут из дома. Чуток все успокоилось, и я подумал вот о чем. Еще на ВИП-трибуне Плетнев попросил меня проследить сегодня за Сеатой. Совсем де странная, «не как обычно». Где искать? А где ж еще? — на Красном острове.

Оставив Ольгу, все-таки доктор, сама разберется, вышел из третьей на набережную. И по Краснофлотской направился к Красному острову. Этот островок — моя собственная придумка, правда, идея высказана Сеатой — представляет собой пятак красной брусчатки под форштевнем установленного на постамент речного десантного катера. Красный пятак на фоне выполненного в серых тонах окружающего пространства новой набережной служит трибуной для маньяков от Мельпомены, поэтов, прозаиков, публицистов и горлопанов от политики. Для последних это вроде Гайд-парка: мели на публику чего вздумается, и даже демократизатором по голове от ленивого полицейского, в урочный день и час непременно присутствующего и наблюдающего, не рискуешь огрести. Как ни крути, достопримечательность столицы региона.

Уже видны каравель и толпа на месте красного острова, да тут привязался некий малахольный, прогуливавший собачонку норной породы отчаянно перекормленную и страдающую от того нешуточно, зримо. Вроде и знакомы, и не знакомы. Городок наш мал, и, если ни очно, так заочно через кого-то знаешь почитай каждого. На всякий случай ответил на приветствие и пожал протянутую руку.

— Тяжела жизнь буржуйская?.. — начал чересчур уж издалека человек. — Эвон гляжу мордыка-то кислая.

— Ничего подобного, — без паники обороняюсь я. — Просто сын на футболе час назад сломался, вот и переживаю чуток. Вообще-то парень тренированный. Правда и с другой стороны так же тренированные...

— Это как раз щас кажут той футбол по телеку. В записи. Гады. Устроители с пяти тыщ зрителей небось поимели не менее как по столынику. Да за право трансляции сымут с государственного телевиденья маржу. А и пра-ально-о, — закатил глаза незнакомец, — деньги к деньгам идут.

— Да ничо подобного, уважаемый, — наморщил лоб и силюсь вспомнить — где и при каких обстоятельствах видел прилипчивого субъекта, внешне в этой кепке, надвинутой на глаза и вжатой в плечи головой да расставленными в стороны согнутыми в локтях руками напоминающего готовящегося к прыжку человека. — Ничего подобного. Плетнев не берет с болельщиков ни рубля. Причем зрелище людям дает первоклассное. А трансляцию еще надо готовить. Пятью камерами снимали. Смонтировать голевые моменты и голы, как следует — это ж требует времени. Я когда-то работал на телевидении мне понятно, что не быстро. За трансляцию Плетнев еще и приплачивает. По обоюдной договоренности с телевизионщиками специально разводят трансляцию и игру по времени, чтобы народ не оставался на диване, когда можно посмотреть игру вживую. Тем более дерби, как сегодня, да в прайм-тайм. Можно сказать, маркетинговый ход для рекламы. Зачем уж наводить напраслину на Плетнева...

— Да помню я вас на том телевидении. Те еще все шулера, — по-прежнему недоволен субъект. — И в горсовете я вас прекрасно помню. Все умничали: мы мол центристы, мы против бестолковой драки, мы де за разумный практический подход ко всему. Вот мы и мочили вас: коммуняки — слева, а мы — демократы — справа. И поделом. А вам хочь бы хны: как проканала где какая раздача социалистической собственности — вы к той раздаче первые. Потому вы ближе к ней, центристы гребаные.

Я вспомнил случайного вечернего демократа, даже вспомнил, где и при каких обстоятельствах пересекались. Но отвлекся:

— Эй, ну как игра закончилась? — схватив за локоть паренька с флагом в цветах «Юности», прогуливавшегося на набережной в группе таких же небуйных юных болел, спросил я.

— Как сломали Банзайку, пацаны на поле чуток прижухли. Игру засушили. Пешком по полю считай ходили, переживали за Степку, что ли?

Три — один так и доиграли. Судак минут на пять раньше игру остановил, после как с трибуны черному бутылкой по голове прилетело...

— Придурки! — вырвался вопль у меня из груди.

— Да, надо было ваще прибить того черномазого, — по-своему понял меня фан, и товарищи увлекли его на празднование победы в ближайшее кафе, расположившееся в старом здании.

— Вот кто к нам поедет, хоть в юношеские команды, хоть в команду мастеров при таком беспределе болел?! — ищу понимания у бывшего депутата горсовета. Но тому, похоже, не объяснить, уперся рогом, будто Киса Воробьянинов — мои де стулья, и баста. Но я не Остап.

— ...Успели к раздаче, говорю. У одного вон на золоте все схвачено. Аж дуреет от богатства, бесится с жиру, команду содержит и гарем, будто бай среднеазиатский. У другого — фабрики скуплены, а в их цехах устроены места для торгашей. Тоже барыш мают не хилый.

— Если вы про меня, так я на аукционе те площади приобретал. Официальные торги, это знаете ли такая штука... При столь переменчивой погоде в экономике, берешь кредит закрыв глаза от ужаса, и никогда не знаешь куда повернет колесо, сможешь ли отбить те кредиты... А, не сможешь, так хоть удавись.

— Знаем, проходили...

— Вам так же приходилось участвовать в аукционах?

— Не были мы ни в каких кционах, нам неначо в их участвовать. Одна только квартира и та матерью пятьдесят годков назад полученная. Хоть бы какая собака за это время спросила: делается ли в том жилье ремонт, и как нам живется. А живется... перебиваемся на одну мою пенсию. И дети при нас, трудиться не годные, хоть бы куда пристроить их на работу ить загрызли уже, напрочь загрызли, — продолжает плющить всех и вся случайный собеседник. Мне это перестало быть интересным, тем более что почти пришли: слышна глуховатая, плывущая, усиленная динамиками речь. У микрофона под кораблем на красном пятаке двое — Сеата и Эльвальд Рукосуев. Читают свои стихи в очередь. Зрителей пока не много, поскольку субботним вечером в это время их обычно меньше и бывает. А вот в пятницу тут обычно переаншлаг — до трех сотен, как я обычно ерничаю, три сотни зевак и им сочувствующих. Впрочем, может, кому-то раскрученное действо в

самом деле интересно. Я на это надеялся, когда пробивал разрешение на «Красный остров» в городской думе и администрации. Делал это для Сеаты. Расходы небольшие, была бы организующая сила, да «писателя»: а все и должно быть просто, без затей и изысков, отвлекающих слушателей от восприятия слова.

Пристроившись поодаль, пытаюсь уловить — о чем они там. Сеата прочитала по заявкам — «Яблоки», «Голубику», «Снег в Благовещенске», на «снеге», на мой взгляд, грубовато для рафинированного интеллигента, партнершу перебил Эльвальд, мол, снег — не тема, задуманная моя Сеаточка, для майского-то вечера. Перехватив инициативу, принялся читать старую пьесу собственного сочинения, которую, как говорит, «давно ждут в театрах России и за их пределами», да только никак не дается завершить ее, оттого де, что он, Рукосуев, вишь ли перфекционист. Эльвальд пренеприятно подгундосывает и мне остро захотелось посоветовать ему сделать операцию на гландах и почистить носовую решетчатую кость. Прямо рука раззудилась. Вскоре пара уступила место молодому прозаику. Тот в волнении зачастил, и зрители стали выкрикивать просьбу читать медленнее. На дуге красного пятака ожидают своей очереди еще пара-тройка графоманов.

Тем временем Эльвальд коварно и эдак поспешно увел Сеату в темную аллею, хотя та сопротивлялась, мол, успеется, Эльвальдушка, давайте талантливую молодежь послушаем. Старый повеса настоял на своем, запросто преодолев легкое дамское сопротивление. Еще на футболе было видно, что Сеата сегодня не готова ни чему сопротивляться. Так... разик взбрыкнула, введя Ольгу в легкий ступор, когда мы с ней ничтоже сумняшеся почти публично предались старой забаве с англоязычными переводными текстами песен. Эта забава пошла от Сеаты, в понедельник, сто лет, как тому назад. Ревность бабья, мать ее. Я нагнал пару и жестко прихватил перфекциониста за локоть.

— Ты куда это, облезлый мерин, повел девушку, а?

— Так, Генушка, миленький, я же, мы же... — перепуганный насмерть Эльвальд, сделал робкую попытку освободиться, но это ему не удалось. — ...Вот Сеатушка пригласила к себе откусать кофейку, сам знаешь, как чертовски она его готовит, да поговорить за жизнь, пока да моя отравка не уснет. А отравка до полуночи ни-ни. А если, Геночка, и

останусь ночь перемочь, — взмолился перезрелый драматург, — так я перемогу где-нить на коврике у порога. Правда, Сеаточка?

— Не правда, чертовски старый мерин, — из прокуренной глотки роковой поэтессы вырвался хрип. — Насчет ночевки на коврике — чистой воды перебор. Поболтать... поболтать... чего ж не поболтать, тут любая немолодая баба не откажет греховоднику...

...Мы сидим в квартире Сеаты, пятнадцать лет назад подаренной ей Плетневым — хозяйка, Рукосуев, я и Ольга. Сеата подливает в кофе Эльвальда коньячок, тот все порывается откланяться, но не отпускаем. Однако до ветру драматург со слезами в голосе отпросился, исполнил, и... увалился-таки на коврике в прихожей. Зная и помня о способности драматурга в памороках мочиться под себя — все равно ему — что на коврик в прихожей, что на свежие, хрустящие чистотой простыни, может пристроиться в квартире в углу — за ноги оттащил тело вглубь комнаты и оставил на паркете, стянув лишь новые ботинки, которые невменяемому отчаянно малы. «Готовился обаять Сеату старый хер». Стянул, и тут в нос мне ударило! «Нет, не готовился старый хер». За вонючие носки, Сеата запросто столкнет с балкона любого, хоть и Лариошу. А так... квартира неухожена, пол неметен. Это Сеата, русский поэт. Вернулся к столу.

— Пос...лушай, Ларионов, — весь вечер понемногу выпивавшая и беспрестанно курящая моя бывшая едва выкруливает в разговоре, — ты, когда наконец возьмешь меня в поездку к нему. На денек свози. У тя же этот... — взмахнула Сеата Крыльями, — ну этот ... вертолет блин... Мне надо, Ларионов, слышишь, жизненно важно... В память о наших с тобой нерожденных детях сделай бабе... плиз... Нижайше прошу тя.

...Уже дома лежа на диване, не спалось, не к добру вспомнился демократ с набережной. Что же блин они такие в массе оголтелые и непримиримые, как те что в восемнадцатом-двадцать втором брали власть в Приамурье. «Убивать вас надо!» — высверкнув очами, такие вот непримиримые запросто могли ввести в оторопь на совещании комитета в горсовете. Дай отмашку Москва демократическая — казалось, демократы кровью регион умыли бы, как пить дать. Сами в той сече сдюжили бы — не факт. «Вас — центристов и коммуняк — убивать! Не центристов, а центровых. Вы из тех, кто к раздаче всегда первые». Это в

те поры, когда и раздачи-то никакой не было. Приходилось терпеливо разъяснять: ну хорошо де, нас, людей с учеными степенями, опытных производственников и других людей от нешуточной управленческой практики перебьете, а кто тогда вам будет выправлять комитетские решения, ведь всё для нас тут впервые, здесь нужны головы? «Убивать». И вроде Горбачев ослабил ошейник донельзя, и вроде не на цепи, а бегут, шарахаются ошалело и лают на всякого неправильного не присягнувшего под их революционными стягами, лают и лягаются, как потерпевшие, будто чесоточные дворняги. «Какова тема вашей диссертации?» — спросил раз такой из потерпевших, тот самый готовый к прыжку. Я отшутился. «Тема? Известно какая: «Партийное руководство деятельностью комсомола по искусственному осеменению овец тонкорунной породы на плоскогорьях северо-восточного Туркестана». Нормально? Подходит для работы в горсовете? Такая диссертация на самом деле была. Но не моя. «Я так и знал: степень на шару получил, и двести рубликов к зарплате пожалте-с. Бесхребетники. Убивать вас!». И потом никакие аргументы уже не работали, что в МГУ проходил аспирантуру, и там же защищался, где в те годы преподавал сам Зиновьев, в философии мировая величина. Что сам работал на кафедре благовещенского вуза и даже готовился стать заведующим. А пришел-то на кафедру философии из студенческих увлечений полулегальной тогда социологией. «Общение как социологическая категория» — такова была тема в аспирантуре МГУ. В те времена общение рассматривали лишь как психологическую категорию и далее везде примерно в том же ключе. Словом, до меня философско-социологического подхода не существовало. Я попытался решить задачку. Повторю, тема оттолкнулась от студенческой увлеченности полупризнанной социологией и легла на благодатную почву текущих исследований факультета философии главного советского университета.

... Страшные люди эти человеки без чувства юмора. Непредсказуемые. Меж тем все-то у них круги-хороводы вокруг слова «маржа», слова без малого понятного, но и непонятного без малого. Как ее маять, ту маржу, это ж мозги включить требуется, и шевелить ими ажно до мозолей в голове, рисковать, не спать, мучиться. Рассыпался тот одиозный Совет из демократов-маржинистов и коммунистов — всегда на кон-

трах меж собой, так что даже находясь в центре схватки бывало невозможно документально оформить решение Совета. И ведь никто из них в дальнейшем не остался на плаву, не проявил себя. Кроме, пожалуй, пары-тройки таких же непримиримых журналюг; но и те сдулись, потухли, сделались жалкими. В журналистике, чтобы заработать достойное имя следует пахать не меньше, чем в бизнесе, не уставая упорно тащить самого себя за волосы из теплой трясины. «Потерпевшие демократы»... Надо будет пообсуждать тему с Плетневым. Или с Фаскудиновым, тем еще правдорубом. Сергею только заяви тему, тотчас отставит наполненный граненыш и призовет идти пи...ить демократов. Так же на дух не принял странное и мной до конца не понятое политическое сословие в безвременье. Но где он?

2015 г.

ЛЕГКО УМЕРЕТЬ

В. Кулаеву и К°

Помнится, в юности мечталось: будет у меня семья и два сына. Обязательно два сына. И первого я назову Степаном, а второго — Семеном, простыми именами. Но. Случается у женщины раз в месяц некая объективная неприятность, так и на мужика примерно с той же периодичностью что-то находит — путает мысль. При рождении старшего в аккурат и случилось. А потому довеку он никакой не Степан. Зато мой товарищ носил это имя. Совпало так. И, скажу, в подлеце этом творец на зависть другим всего удачно и выигрышно намешал. И плутовства в нем с избытком, как в театральных комедиях положений, знающими людьми обзываемых дурками, и ума нобелевского палата, и руки Левши, блоху подковавшего, мастеровитые, и мудрость завидная, глубинная, шолоховская. Поэтому пусть и нет сына Степана, однако есть вполне реальная модель, с коей хотелось бы лепить моего старшего. Или сожалеть в душе, отмечая, как не удалось сделать сына по примерной модели. С другой стороны — с чего бы отпрыску стремиться соответствовать какой бы то ни было модели, даже условно совершенной?